

ПРАВОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ И БИБЛИЯ

АКИМОВ
Виталий Викторович

Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия—1995; Санкт-Петербургская Духовная Академия, кандидат богословия—1999.

Библейский ветхозаветный текст имеет очевидную связь с законодательными нормами обществ Древнего Ближнего Востока. Вряд ли сегодня можно поспорить с данным утверждением. Действительно, археологические открытия ушедшего 20 в. засвидетельствовали практически неоспоримое влияние законодательства Древней Месопотамии на библейские тексты. Это влияние отражено как в повествовательном пласте, так и в собственно законодательной части Ветхого Завета.

В наши дни едва ли кого можно удивить констатацией этого влияния, поскольку со времени открытия первых параллелей между Библией и древними памятниками прошло около ста лет. Тогда чем же сейчас можно определить актуальность данной темы? Что современного и актуального можно найти в текстах, созданных в древней цивилизации при условиях, существенно отличающихся от наших? Ведь известно, что самые ранние упоминания о месопотамских законодательных нормах относятся к 24 в. до Р.Х., самый ранний месопотамский текст законов принадлежит 21 в. до Р.Х., библейский текст отделяют от нас по времени около трех тысячелетий.

Изучая древние библейские и месопотамские тексты, мы можем увидеть, что человечество тех давних дней, так же как и современное, отстаивало идеи социальной справедливости и боролось против посягательств на чужую жизнь, собственность, достоинство. Но почему тогда законы древней Месопотамии, которые древнее Библии и которые оказали влияние на ее текст, почти никто не помнит, разве что узкий круг специалистов, а библейское законодательство служит источником вдохновения для огромного количества верующих, исповедующих не только христианство?

Актуальность избранной нами темы напрямую связана с актуальностью самой Библии. И эту современность, неизменную актуальность библейских законов, точнее, основ этих законов, как нельзя лучше можно выделить, подчеркнуть посредством сравнения их с законодательством Древней Месопотамии¹.

Законодательство Древней Месопотамии

Одним из древнейших месопотамских законодательных мероприятий является реформа царя Лагаша Урунимгины (24 в. до Р.Х.), который возвратил земли божеств Нингирсу, Бабы и др. из собственности правителя в собственность храмов. Осуществляя свою реформу, Урунимгина выполнял повеление божества, следовал словам Нингирсу. «Жителей Лагаша от подушной подати, /.../ воровства, убийства, заключения он избавил /.../. Что бы бедняк (и) вдова человеку сильному не предавались, с богом Нингирсу Урукагина этот договор заключил», — сообщает надпись, сделанная на глиняном конусе в первый год правления этого царя². Можно заметить, что данная идея, идея социальной справедливости, почти в таких же выражениях присутствует в книге Исход: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте» (Исх. 22, 22). Кроме того, установление законов в данном памятнике предстает как заключение договора между божеством и правителем.

Древнейшим законодательным сборником, дошедшим до нас из Месопотамии, считаются Законы Шульги. Шульга был сыном Ур-Наммы, основателя 3-й династии Ура (21 в. до Р.Х.). Эти законы сохранились в виде двух поврежденных обломков таблички. Найденный в начале 20 столетия в древнем Ниппуре, данный памятник клинописного законодательства хранится в ниппурской коллекции стамбульского музея. Прочитаны Законы Шульги были в 1952 г. С. Н. Крамером³. Он же в 1983 г. установил, что автором их является не Ур-Намма, как Минской Духовной Академии

Законы Шульги не сохранились полностью, мы имеем только пролог и несколько предписаний. Пролог отличается мифопоэтическим характером. В прологе сообщается, что после создания мира, определения судьбы Шумера и г.Ура божества Ан и Энлиль назначили царем Ура бога Луны Нанну, а тот избрал наместником Ур-Намму, который по праведному повелению бога Солнца Уту, «воистину установил справедливость в Стране, воистину изгнал зло, насилие и раздор»⁴. Результатом этого явилось торжество уже упоминавшегося выше принципа социальной справедливости: «Сирота не был отдаваем во власть богатого, вдова не была отдаваема (во власть) сильного, человек сикля не был отдаваем (во власть) человеку минь»⁵.

Сохранилось 29 параграфов Законов Шульги. Согласно 10 параграфу, обвинение в колдовстве проверялось ордалией, причем при подтверждении обвинения имущество уличенного переходило к обвинителю. Закон Моисеев также беспощаден по отношению к колдовству: «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх. 22, 18). Впрочем, Закон Моисеев, не предполагая процедуры выяснения виновности, пытается ограничить злоупотребления, связанные с использованием обвинения подобного рода: «Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого, ибо Я не оправдаю беззаконника» (Исх. 23, 7).

Законы Липит-Иштара названы по имени царя 1-й династии Иссина, воцарившейся после падения 3-й династии Ура и завоевания Ура амореями на рубеже 21-20 вв. до Р.Х. Законы эти обнаружили в начале 20 столетия в древнем Ниппуре экспедицией Пенсильванского университета. Законы были найдены в поврежденном виде и впоследствии они были дополнены С. Н. Крамером. Языком законов является шумерский язык, хотя исследователи считают, что текст их первоначально был записан на аккадском языке, поскольку Липит-Иштар был амореям.

Законы Липит-Иштара имеют пролог, около 40 статей (предполагают, что это около 1/3 изначального содержания), и эпилог. В Прологе Липит-Иштар предстает как исполнитель воли богов. Законы касаются главным образом отношений собственности. А в 22 статье, по мнению В.А.Якобсона, впервые встречается наказание по принципу талиона: за ложное обвинение обвинитель подвергается тому же наказанию, какое угрожало обвиненному⁶. Подобное наказание, зеркально отражающее преступление, которое получит дальнейшее развитие в Законах Хаммурапи, нам хорошо известно по Ветхому Завету.

Законы Липит-Иштара говорят также о невозможности наследования отцовской собственности дочерьми, если только они не являются храмовыми жрицами. Моисеев же закон предполагает возможность наследования дочерьми имущества отца в том случае, если у них нет братьев (Числ. 27, 1-11).

Законодательство из города Эшнунны. Город Эшнунна располагался в долине реки Диялы (около 1800 г.). Законы были найдены в 1945 и 1947 г. иракским археологом Таха Бакиром в Тель-Абу-Хармале, на развалинах г. Шадуппум, находившегося в области царства Эшнунны, которое было разрушено царем Хаммурапи. Законы из Эшнунны являются самым древним законодательным сборником на аккадском языке. Первое их издание было подготовлено американским ассириологом А.Гетце.

Законы эти представляют собой две таблички, содержащие небольшие размышления. Пролог, имеющий дату издания законов, сохранился плохо. Основное содержание Законов ограничивается 60-ю статьями. Многие нормы этого памятника совпадают с нормами Хаммурапи, однако здесь нет ни кровной мести, ни принципа **НН94**. Некоторые исследователи считают, что этот сборник не является кодексом, а представ-

ляет собой часть какого-то большего свода, до нас не дошедшего.

Согласно этим нормам, неверность жены, изнасилование замужней женщины, похищение ребенка и ночная кража карались смертью. Моисеево законодательство также карает смертью прелюбодеяние (Втор. 22, 22), изнасилование обрученной (Втор. 22, 23-25) и похищение любого израильянина (Исх. 21, 16). Случай ночной кражи в книге Исход рассматривается даже более детально. Убийство ночного вора не вменяется в вину убившему, а убийство дневного вора влечет за собой ответственность (Исх. 22, 2-3).

Вершиной клинописного законодательства являются Законы Хаммурапи.

Царь Хаммурапи, будучи представителем одной из аморейских династий, создал на территории Месопотамии огромную державу и превратил город Вавилон в ее столицу. В эту эпоху право стало одним из важных средств объединения страны.

В 1902 г. в Сузах, столице древнего Элама, член французской археологической экспедиции М.Жекье нашел конусообразную базальтовую стелу высотой 2,25 м. В Сузы она попала в 12 в. до Р.Х., куда ее вывез из Вавилона эламский завоеватель Шутрукнахунту I. По его повелению низ лицевой стороны стелы был выскоблен. Наверху стелы, относящейся к концу правления Хаммурапи, располагается рельеф с изображением царя, предстоящего богу Шамашу, либо получающего от бога полномочия составлять свод законов⁷. Под рельефом имеется 16 столбцов текста, на обратной стороне—28. Тридцать постановлений, уничтоженных эламским завоевателем, были восстановлены по другим копиям. Текст написан справа налево. Язык законов—аккадский. До 1947 г. этот памятник, хранящийся в Лувре, считался самым древним в мире сводом законов.

Пролог и эпилог законов написаны гимно-эпическим стилем и составлены в ритмической форме. В прологе Вавилон объявляется вечным обиталищем Царственности, особой субстанции, которая, по более ранним представлениям, странствовала из города в город. В прологе и эпилоге перечисляются заслуги Хаммурапи, говорится о цели законов, ради установления которых он и был поставлен царем. Хаммурапи был призван богами Анумом и Эллилем для блага народа, «чтобы справедливость в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы подобно Шамашу восходить над черноголовыми и озарять страну»⁸.

На 282 статьи текст разбил первый переводчик и издатель законов, французский ассириолог В. Шейль. В начале каждой статьи стоит союз «шумма» (если). Условно выделяют несколько разделов этих законов⁹:

- 1) основные принципы правосудия, п. 1-5;
- 2) охрана собственности царя, храмов, людей, п. 6-25;
- 3) об охране служебного имущества, п. 26-41;
- 4) операции с недвижимостью, п. 42-88;
- 5) торговые и коммерческие операции, п. 92-126;
- 6) семейное право, п. 127-195;
- 7) телесные повреждения, п. 196-214;
- 8) операции с движимым имуществом и личный наем, п. 215-282.

В эпилоге снова воспеваются справедливость, мудрость и сила Хаммурапи. Выносятся пространные угрозы нарушителям законов.

Минской Духовной Академии

Законы устанавливают одновременно и права, и ответственность за их нарушение.

Законы предусматривают различные виды наказания: смерть (смертной казнью карается около сорока видов преступлений), наказание по принципу талиона, денежная компенсация. Основным доказательством считаются показания свидетелей, но иногда используется водная ордалия и клятва во имя богов.

Общество по Законам Хаммурапи состоит из общинников (авилум), царских людей (мушкенум) и рабов (вардум).

Законы Хаммурапи близки к законам Пятикнижия по содержанию и фразеологии. В п. 195-197, 200 этих Законов говорится: «Если сын ударил своего отца, ему должны отрубить руку. Если человек выколол глаз сыну человека, должны выколоть ему глаз. Если он переломил кость человеку, должны переломить ему кость... Если человек выбил кость человеку равному ему, должны выбить ему зуб». В ветхозаветном законодательстве также используется принцип равного возмездия — принцип талиона: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиби за ушиби» (Исх. 21, 23-25).

Законы Хаммурапи имеют ярко выраженный классовый характер, вследствие чего и принцип талиона в них используется не всегда последовательно. Если увечье, нанесенное свободному человеку, каралось нанесением равного увечья виновнику, то увечье, нанесенное мушкенуму, наказывалось лишь денежным штрафом. В Законах Моисея также можно усмотреть подобные черты. Например, убийство в пылу гнева нерадивого раба не предполагает вынесение убийце смертного приговора (Исх. 21, 18-21), повреждение глаза раба или служанки имеет следствием только их освобождение (Исх. 21, 26), а смерть раба или рабы от

бодливого вола обходится хозяину вола только выплатой денежной компенсацией (Исх. 21, 32). Вместе с тем, в постановлениях о беглых рабах Закон Моисеев имеет большую социальную значимость. Соккрытие беглого раба Хаммурапи карал смертью (п. 16). Второзаконие же, живя воспоминанием о египетском плене, говорит более человечно: «Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего. Пусть он у тебя живет, среди вас на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его» (Втор. 32, 15-16). Кроме того, постановления о рабах находятся в библейском Свитке завета в самом начале, а не в конце, как в месопотамских сводах.

Законы Хаммурапи были образцом законодательства в Месопотамии вплоть до эллинистического периода. До нас дошло около сорока их списков, сохранившихся в том числе в знаменитой библиотеке Ашшурбанипала. Законов Хаммурапи. Известный чешский ассиролог Й. Клима считает, что они не были превзойдены даже римскими законами XII таблиц, и только кодификация права при императоре Юстиниане I превзошла Законы Хаммурапи по формальному совершенству, богатству содержания и жизнестойкости¹⁰.

Рассмотренные нами клинописные законодательные памятники не являются кодексами в современном смысле, а отражают дотеоретическую стадию развития права, когда еще не было принципа «Nullum crimen sine lege» («Нет преступления без его указания в законе»). Существует мнение, что все эти шумерские и аккадские памятники, включая и Законы Хаммурапи, не имели практического применения. Так считал профессор Чикагского университета А. Лео Оппенгейм, который писал о законодательстве Хаммурапи: «Следует помнить, что этот кодекс ... не был непосредственно связан с юридической практикой того време-

ни. Его содержание во многих аспектах следует рассматривать как традиционное выражение социальных обязательств царя, который понимал разницу между существующими и желательными условиями. В конце концов такие кодексы представляли собой любопытные формы социальной критики и не должны считаться нормативными предписаниями, подобно послебиблейскому или римскому законодательству»¹¹.

Впрочем, даже если это и было так, все равно невозможно отрицать тот факт, что Законы Хаммурапи отражают реально существовавшие традиции и правовую практику Древней Месопотамии. Об этом в числе прочего свидетельствуют и библейские тексты.

Сравнивая Законы Хаммурапи и Библию, Б. А. Тураев писал: «Некоторые совпадения Библии и вавилонского законодательства можно объяснить своего рода рецепцией вавилонского права еще в глубокой древности в Палестине, в то время, когда она входила в зону влияния империи Хаммурапи. Семейные отношения еврейских патриархов—наилучший комментарий к законам Хаммурапи. Можно сказать, что и Авраам, и Иаков, и Лаван жили по вавилонскому праву»¹².

Правовые памятники Древней Месопотамии и повествовательный комплекс в Пятикнижии

Большое значение для изучения Ветхого Завета имеют документы (таблички), обнаруженные археологами на месте древнего хурритского города Нузи (современное городище Йорган-Тепе близ Киркука в Ираке)¹³. Этот город находился в Северной Месопотамии, т.е. в том регионе, где долгое время жил Авраам, и с которым потомки праотца Авраама сохраняли отношения. Из Северной Месопотамии была взята жена Исаака, там же двадцать лет прожил Иаков.

Двадцать тысяч клинописных текстов было найдено на этом месте в результате экспедиции 1925-1931 гг., работавшей под руководством профессора Э. Кьера. Открытые в Нузи памятники датируются 14 в. до Р.Х. Они являются не только дополнительной иллюстрацией к эпохе библейских патриархов, но помогают и более адекватному пониманию ряда событий этой эпохи и действий ее героев. Кроме того, открытия в Нузи показали, что предания о ветхозаветных патриархах имеют древнюю основу и возникли не в 9-8 вв., как считали некоторые библейские критики, а значительно раньше¹⁴.

В книге Бытия мы сталкиваемся с часто упоминаемым в древних текстах законов и договоров институтом усыновления. В 15 главе Аврам сетует на то, что Господь не дал ему прямого потомства, так что наследником Аврама является его домочадец (слуга). Тексты из Нузи свидетельствуют о практике усыновления бедетными людьми чужого человека, даже раба. Приемный сын, наследуя собственность своих новых родителей, должен был проявлять о них заботу, управлять их имением и после их смерти совершить похоронные обряды. Специальные договоры предусматривали разрешение спорной ситуации, которая могла возникнуть вследствие рождения прямых наследников. Приведем несколько текстов такого рода.

«Эта дощечка с записью об усыновлении принадлежит Эхельтешапу, сыну Пухийи; он усыновил Зиги, сына Акуйи. «Поэтому все мои земли, мои дома, мои доходы, моих слуг, одну (часть) моей собственности я отдал Зиги». Если у Эхельтешапа будут (собственные) сыновья, они получат двойную долю, а Зиги будет вторым. Если у Эхельтешапа не будет сыновей, Зиги будет (главным) наследником... Пока Эхельтешап жив, Зиги должен служить ему, должен заботиться о его одежде»¹⁵.

«Шуриха-илу заключает договор с Шенни-и-Минской Духовной Академии»

всех видов он дал Шенниме одну (часть) своей собственности. Если у Шуриха-илу будет собственный сын, то, как главный (сын), он получит двойную долю; Шенниме же тогда будет следующим по порядку и получит принадлежащую ему долю. Пока Шуриха-илу жив, Шенниме должен почитать его. Когда Шуриха-илу (умрет), Шенниме станет наследником»¹⁶.

Еще одна табличка сохранила договор, в котором важное место занимает акт передачи домашних идолов.

«Он (Нашви) усыновил Вулу, сына Пухишени. Пока Нашви жив, Вулу должен снабжать (его) пищей и одеждой. Когда же Нашви умрет, Вулу станет его наследником. Если у Нашви родится сын, (последний) разделит имущество поровну с Вулу, но (только) сын Нашви должен взять богов Нашви. Но если у Нашви не будет сына, тогда Вулу должен взять богов Нашви»¹⁷. Из этого текста видно, что внешним знаком перехода права наследования служила передача идолов, домашних богов.

Объясняя библейский рассказ о взаимоотношениях Лавана и Иакова, некоторые толкователи предполагают, что Лаван сначала объявил Иакова своим наследником. Однако после рождения у Лавана собственных сыновей, положение Иакова стало ненадежным, и он решил вернуться в Ханаан вместе со всем своим имуществом. В этой связи странный поступок Рахили, похитившей идолов своего отца, объясняется ее стремлением закрепить право своего мужа на наследство ее отца¹⁸.

Авраму, имевшему в соответствии с традицией, усыновленного наследника, Бог обещал прямого наследника, который выйдет из чресл Аврама. «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт. 15, 6). Однако время шло, наследник не рождался. И вот тогда Сара решила прибегнуть к средству, которое на первый

взгляд может показаться несколько необычным и странным. Сара предложила Авраму родить сына от своей служанки, египтянки Агарь (Быт. 16, 2). Археологические находки показали, что такое решение Сары происходило не просто от ее находчивости. Действия Сары были продиктованы существующими традициями. В соответствии с этими традициями поступила и бесплодная Рахиль, предложившая своему мужу Иакову войти к служанке Валле (Быт. 30, 3).

Договоры из Нузи отражают именно такую ситуацию:

«Келим-нину отдана замуж за Шенниму... Если Келим-нинну не родит ребенка, она должна дать одну из женщин земли Луду (т.е. рабыню) в жены Шенниме»¹⁹.

О возможности усыновления детей от рабыни говорится и в Законах Хаммурапи. Например, п. 170 Законов Хаммурапи гласит: «Если человеку его супруга родила сыновей, и его рабыня родила ему сыновей, и отец при жизни своей сказал сыновьям, которых ему родила рабыня: «Мои сыновья», и он их причислил к сыновьям супруги, то после того, как отец умрет, сыновья супруги и сыновья рабыни должны поровну поделиться имуществом в доме их отца»²⁰. Это правило, так же как и обычаи Нузи, объясняют, почему Аврам не хотел лишиться наследства Агарь и Измаила.

П. 146 Законов Хаммурапи предусматривает то осложнение отношений между госпожой и рабыней, которое могло возникнуть по поводу усыновления детей рабыни, и с которым мы действительно встречаемся в 16 главе книги Бытия, когда служанка «стала презирать госпожу свою» (Быт. 16, 4):

«Если человек взял в (жены) надитум, а она дала своему мужу рабыню и ты родила сыновей, а затем эта рабыня стала равнять себя со своей госпожой, (то), так как она

родила сыновей, ее госпожа не должна продавать ее за серебро, она может наложить на нее рабский знак и причислить ее к рабыням»²¹.

Знакомство праотцев с вавилонским правом Б. А. Тураев усматривал и в споре Лавана с Иаковом²². Когда Лаван в поиске украденных идолов нагнал Иакова, но так ничего и не нашел, Иаков начал упрекать Лавана. Среди прочего он напомнил Лавану, что растерзанный хищными зверьями скот становился убытком Иакова, а не хозяина скота, т.е. Лавана. Этот упрек становится особенно ясным в свете п. 266 Законов Хаммурапи:

«Если на скотном дворе появилась эпидемия, или же лев побил (скот, то) пастух должен очиститься перед богом, а падеж (на) скотном дворе должен принять (на себя) хозяин скотного двора»²³.

Наконец, приведем еще несколько примеров связи библейского повествования с древними месопотамскими обычаями.

Памятники из Нузи говорят о случаях, когда человек, усыновляя юношу, отдавал этому юноше свою дочь в жены. При этом юноша перед женитьбой некоторое время работал на своего приемного отца и ему запрядался брак с другой девушкой. Это соответствует библейскому рассказу о браке Иакова с дочерью его дяди Лавана (Быт. 29, 16-30; 31, 50).

Согласно одной из табличек, некий отец сосватал невесту для сына, оговорив, что в случае смерти этого сына, эта женщина должна будет стать женой брата покойного мужа. Такая же ситуация отражена и в библейской истории Иуды и Фамари. Иуда выдал Фамарь за Ира, первого своего сына, а после смерти Ира—за своего второго сына, Онана (Быт. 38, 6-8). В Библии такой обычай имеет характер законоположения (Втор. 25, 5-10).

Книга Руфи говорит о странном обычае—обмене незначительными предметами при заключении сделок: «Прежде был такой обычай у Израиля при выкупе и при мене, для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому» (Руф. 4, 7). Так поступил и родственник Руфи, предложивший Воозу выкупить поле у Ноэмины (Руф. 4, 8). Аналогичный обычай также засвидетельствован текстами Нузи.

Жители Нузи воспринимали наставления, которые давал умирающий отец, как имеющие огромный авторитет и фактически юридическую силу. Такой же характер имели и напутственные слова, произнесенные библейскими патриархами на смертном одре (Быт. 27, 33; 49).

Итак, книга Бытия свидетельствует о том, что еврейские праотцы жили в общественной среде, в которой действовали нормы древнего месопотамского законодательства.

Ветхозаветное законодательство

В Ветхом Завете, в Пятикнижии, мы встречаемся как с записями отдельных законов, так и с целыми сводами.

Исследователи Библии выделяют в Пятикнижии несколько сводов законов и говорят о том, что законы, имеющиеся в первых книгах Библии, образовались в разное время и в различной социально-духовной среде²⁴. Одним из признаков, по которым в Пятикнижии выделили несколько подобных сборников, является наличие дельмитаторов начала и конца.

Древнейшим библейским законодательным сборником считается Книга (Свиток) завета (Исх. 21, 1—Исх. 23, 19), выделенный библеистами на рубеже 19-20 вв. Название этого сборника проистекает из слов автора книги Исход о Моисее, который вывел книгу завета народу (Исх. 24, 7). Книга завета принадлежит к числу законо-

нов, постановления профанного характера в нем предшествуют сакральным постановлениям и составляют около двух третей всего объема. Предписание, касающееся единобожия, встречается в этой книге фактически только один раз: «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исх. 22, 20). С противодействием идолопоклонству можно связать и запрет варить козленка в молоке матери его (Исх. 23, 19), поскольку, как показали находки в древнем Угарите, такова была культовая практика ханаанеев²⁵.

Любопытно еще одно постановление в 28 стихе: «Элогима (в русском переводе—судью) не злословь, и начальника в народе твоём не поноси». В Ветхом Завете словом «Элогим» называется не только Бог, но и судья (в прямом смысле этого слова). Яркий пример тому—81 псалом: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд. Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?». Также и в Исх. 21, 6. Судьи представлены здесь как представители Бога на земле, как исполнители Его воли, подотчетные Ему. По словам Й. Вейнберга, подобное сопряжение Божества и человека говорит «о восприятии Бога как «Бога близкого», непосредственно и постоянно причастного к делам человека»²⁶.

В Книге завета очень скупо говорится о жертвоприношениях и не упоминаются священники как их исполнители. Празднование субботы не имеет в нем сакрального объяснения, а чисто человеческое, бытовое, как простая необходимость отдыха.

В целом Книгу завета датируют домонархическим или раннемонархическим периодом.

Учение о жертвоприношениях (Лев. 1-7) и Учение о ритуальной чистоте (Лев. 11-15), выделенное О. Кайзером, имеет религиозный характер и отличается высоким уровнем юридического мышления. Учение

о жертвоприношениях включает в себя постановления о приносящих жертвоприношения и о совершающих их, т.е. священниках. В Учении о ритуальной чистоте также производится очень четкое разграничение на священников и не священников. Эти своды датируются эпохой перед вавилонским пленением, либо временем самого вавилонского плена.

Кодекс святости (Лев. 17-26), получивший свое наименование в 1877 г. от немецкого библеиста Э. Клостермана, содержит несколько комплексов, включающих сакральные и профанные законы, сформулированные аподиктически или казуистически. Свое название он получил от часто (11 раз) встречающегося в нем призыва к святости—«Святые будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19, 2). Большую часть Кодекса святости занимают сакральные законы. Этот кодекс датируют 6-5 в., относя его к священнической среде вавилонского пленения или гражданско-храмовой общины начального периода.

Свод законов Второзаконие (Втор. 12-26) состоит из трех блоков законов: сакрального блока, центрального блока, включающего в себя законы о суде, о царе и о пророках, и профанного блока. Постановления Второзакония отличаются гуманистическим характером. Этот свод датируют серединой—второй половиной 7 в. и связывают его возникновение с политической и интеллектуальной элитой дворца и храма в Иерусалиме.

Библейское законодательство, как и законодательство Древней Месопотамии, не стремится охватить все возможные правовые ситуации. Однако используя внебиблейские правовые памятники, мы можем правильнее понять реалии, отраженные в Ветхом Завете, и точнее интерпретировать библейское законодательство. Это может касаться, например, вопросов, касающихся законного брака и развода.

В целом законодательства Библии и Древней Месопотамии имеют вполне очевидные параллели. Так, в Свитке завета такие параллели составляют около половины от законоположений. Однако в Библии мы не имеем дело с механическими заимствованиями. Богодухновенный автор использовал внебиблейское законодательство так, чтобы отразить библейские приоритеты²⁷. Библейское законодательство имеет особое идейное значение, особое истолкование. Обратим внимание на главные идейные особенности библейских законов.

Идейное своеобразие ветхозаветного законодательства

В течение нескольких столетий библеисты усердно и увлеченно занимались изучением Священного Писания с исторических позиций. Это привело к детальному, вплоть до дробления внутри стихов, расчленению текста, датировке выделенных обрывков самыми разными эпохами и выделению различных богословских традиций, имеющих свою строгую специфику. Библия, как нечто цельное в литературном и даже богословском смысле, казалось, перестала существовать. Православное богословие, никогда не сходящее с рельс святоотеческой традиции, всегда воспринимало Библию как единое слово Живого Бога, обращенное к человеку всех времен. Стремление к восстановлению идейной, богословской целостности Священного Писания в настоящее время имеет достаточное количество сторонников и защитников, в том числе и среди представителей других исповеданий и религий. Одним из таких исследователей является американский иудейский библеист Моше Гринберг. Его подход к изучению ветхозаветного законодательства может быть с успехом воспринят и православными исследователями. М. Гринберг является сторонником комментаторского подхода в изучении библейского законодательства. Этот подход, который он воспринимает от Джона Майлаза, позволяет объяснить вне-

шные противоречия ветхозаветных законов, не прибегая к хирургическому расчленению текста историко-критическим методом. По убеждению М. Гринберга, идейное своеобразие и целостность, единство этих законов как нельзя лучше выявляет сравнение их с памятниками клинописного законодательства. «Изучение библейского права, при надлежащем внимании к его собственным внутренним постулатам, может поведать о ценностях израильской культуры не меньше, чем Псалмы и Пророки, — утверждает М. Гринберг. — Для понимания этой важнейшей стороны жизни библейского мира мы получили ключ, недоступный комментаторам в предшествующие два тысячелетия: богато представленное клинописное законодательство. Это сокровище щедро вознаграждает тех, кто им пользуется»²⁸.

В своей статье «Некоторые постулаты библейского уголовного права» он доказывает целостность и уникальность ветхозаветного законодательства, выделив три аспекта²⁹. Представим его размышления в кратком виде, сделав необходимое дополнение.

Представление о Боге как главном источнике законов

Законодательные памятники Древней Месопотамии, также, как и законы Пятикнижия, свидетельствуют о той особой роли, которую играли законы в древнем обществе. Большая значимость законов выражалась в идее их божественных истоков. В эпилоге своих законов Хаммурапи говорит: «Я Хаммурапи, царь справедливости, которому Шамаш даровал правду»³⁰. В свою очередь, в Пятикнижии постоянно подчеркивается божественное происхождение закона, данного через Моисея: «Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой» (Втор. 4, 5). Однако сама идея божественного истока права получила в Пятикнижии совершенное развитие, нежели в месопотамском законодательстве.

в данном случае способно еще больше оттенить различие.

В Месопотамии божество является не творцом законов, а только лишь покровителем правосудия. И в этом смысле закон предстает как космическая истина, стоящая выше божества. Однако это было только в теории, а на практике земной законодатель считал себя источником, подлинным автором закона. В эпилоге своих законов Хаммурапи говорит: «Я—царь, который велик среди царей, мои слова отменны, моя мудрость не знает равных... Царь, который будет в стране, пусть хранит справедливые слова, которые я начертал на своей стеле; пусть не изменит законы страны, которые я установил, решения страны, которые я решил; пусть не отвергнет моих указов... Если этот человек не будет чтить мои постановления, которые я начертал на своей стеле, будет презирать мои проклятия, не побоится проклятий богов и ликвидирует законы, которые я установил, исказит мои слова, изменит мои указы, сотрет мое начертанное имя и напишет свое имя... пусть великий Анум, отец богов, призвавший меня к власти, отвратит от него царский ореол, пусть он сломает его скипетр, пусть он проклянет его судьбу»³¹. В приведенном нами отрывке особенно характерны проклятия, которые налагаются на тех, кто сотрет на этих законах имя их автора и напишет свое имя. Такие проклятия мы встречаем и в законах Липит-Иштара. Так что, хотя законы и соотносятся с неким космическим первообразом, а повеление установить законы исходит от божества, в реальной исторической ситуации законы выражаются царем. И именно царь выносит окончательное решение об их применении, законы санкционируются его авторитетом. Поэтому царю как создателю законов месопотамские правовые нормы дают неизвестное Пятикнижию право помилования.

В Священном Писании же идея трансцендентности права получает более ради-

кальное выражение. В Библии источником закона является Единый Бог. Закон имеет основание в воле Бога-Творца. При этом Бог не просто установил законы, Ему принадлежит даже сама формулировка закона. Законы в Пятикнижии провозглашаются от первого лица. Они являются не словами человека, но словами Бога. Этим объясняется единство сакрального и гражданского права в Библии.

И для месопотамского законодательства, и для Моисеева законодательства характерно единство, неразделенность законов о божественном и о человеческом, сакральных и профанных законов³². Однако только в Библии мы сталкиваемся со смешением правовых предписаний и моральных поучений, которое проистекает от единства источника права и морали. Поэтому соблюдение закона должно привести не только к благополучию и процветанию (Исх. 23, 20; Лев. 26; Втор. 1, 19), что характерно и для месопотамского законодательства. Исполнение Моисеева закона приводит к очищению (Исх. 19, 5; Лев. 19), засчитывается как праведность (Втор. 6, 25). Соответственно с этим нарушение закона рассматривается в Библии как нарушение божественной воли, как грех, как хула Господа (Числ. 15, 30). Нарушение закона затрагивает не просто космическую истину, сформулированную человеком, но Самого Бога, волей Которого установлен закон. Именно этим объясняется жесткость библейского права в некоторых вопросах уголовного характера, в которых древнее восточное законодательство предусматривало некоторое смягчение наказания. М. Гринберг рассматривает это на примере постановлений о прелюбодеянии.

Месопотамское законодательство право простить или наказать жену, схваченную в лежании с чужим мужчиной, отдает мужу. Согласно 129 п. Законов Хаммурапи, если муж простит жену, то и царь простит ее любовника. Данное правило защищает

права мужа. Библейские постановления в этом вопросе не знают никакой пощады. Лев. 20, 10 и Втор. 22, 22-23, подобное преступление карают смертью. Прелюбодеяние в данном случае является не просто злом, причиненным мужу, а грехом против Бога, запретившего прелюбодеяние. Такое восприятие прелюбодеяния отражено в различных библейских эпизодах (см. Быт. 20, 6; Быт. 39, 8; Пс. 50, 6). Впрочем, в Числ. 5, 12 прелюбодеяние также называется изменой мужу.

Поскольку не соблюдение Закона расценивается как грех, обучение закону ставится в разряд заповедей (Втор. 6, 7).

Высокое достоинство личности человека, обладающего образом Божиим

Важные отличия Моисеева законодательства и древних месопотамских законов, имеющие идейные основания, существуют в постановлениях об убийстве.

Моисеево законодательство в отношении к убийству человека также отличается категоричностью и жесткостью: убийство человека карается смертью (Исх. 21, 12). Если человека убивает животное, то животное также умерщвляется, а его мясо не подлежит употреблению в пищу. Пятикнижие признает только один случай смягчения наказания за убийство: хозяин вола-убийцы может откупиться от семьи убитого (Исх. 21, 28). В целом же выкуп за душу убийцы не допускается (Числ. 35, 31).

Законодательство Древнего Ближнего Востока признает за семьей убитого право решать судьбу убийцы. Например, хеттский закон прямо устанавливает, сколько человек следует отдать в качестве выкупа за жизнь убийцы:

«П. 1. (Если) кто-нибудь убьет (во время ссоры мужчину) или женщину, то (он должен сам доставить труп); 4 человека он

должен дать (взамен), мужчин или женщин соответственно, и в дом (его) он их должен доставить»³³.

В Законах Эшнунны и Хаммурапи, также рассматривающих ситуацию с боддивым волком, волу, убившему человека, наказания не полагается.

Различия, существующие в месопотамских и библейских правовых нормах, касающихся убийства, объясняются не историческими причинами, не тем, что эти законодательства представляют собой два этапа в едином процессе развития права. Различия объясняются фундаментальными различиями в системе ценностей. С библейской точки зрения человек имеет образ Божий и занимает в иерархии земного творения самую высшую ступень. Человеку разрешено убивать животных для пищи и для жертвоприношения (Лев. 17, 4), но животное, убивая человека, разрушает образ Божий. Такое животное должно получить наказание, а его мясо не может быть использовано как пища: запятнанное грехом, оно вызывает отвращение. Будучи суровой по отношению к убийству человека, Библия вместе с тем терпима по отношению к преступлениям против собственности. Человеческая жизнь уникальна, она не имеет стоимости, ее потеря не может быть ничем компенсирована. Месопотамское же законодательство, в сравнении с Библией, жестче по отношению к преступлениям против собственности, но терпимее к убийству. Эта разница происходит оттого, что в основе библейских правовых норм об убийстве лежит религиозная оценка, а в основе небиблейских — экономическая и политическая оценка.

Особенность в употреблении замещающего наказания

Между библейским законодательством и месопотамскими законами существует различие. Мисской Духовной Академии та-

лиона. В клинописном законодательстве принцип талиона иногда приводит к замещающим наказаниям. Например, 230 п. Законов Хаммурапи гласит, что если дом, построенный строителем, рухнет и убьет сына хозяина, то сын строителя должен быть казнен. Виновность отца в данном случае переходит на невиновного сына. В библейском праве заместительное наказание за уголовные преступления практически исключается. Примером может служить уже упоминаемое нами ранее постановление о боддивом воле, согласно которому хозяину вола может быть оставлена жизнь. А Второзаконие (24, 16) вовсе исключает заместительное наказание: «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление». Впрочем, этому как будто противоречит Втор. 5, 9 и Исх. 20, 5, где изображен Бог, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода. Согласно М. Гринбергу, это противоречие снимается тем, что библейское законодательство в отличие от небиблейского никогда не карает коллективно или путем замещения уголовные преступления, поскольку при наказаниях в связи с уголовными преступлениями в Библии действует только принцип личной ответственности. В Библии мы встречаемся и с коллективным, или замещающим наказанием, которое, однако, относится к религиозным преступлениям, преступлениям, непосредственно оскорбляющим Бога (Ис Нав. 7; 2 Цар. 21; Суд. 21)³⁴.

«Представление о том, что Бог может возложить ответственность и вину на всю семью человека и его потомков, библейский Израиль разделял со своими соседями. Уникальной была вера Израиля, что исключительное право на такое решение принадлежало Богу; узурпируя эту божественную прерогативу, человек совершал дерзкое беззаконие», — подводит итог М. Гринберг³⁵.

Так что для объяснения внешних противоречий библейского законодательства не всегда следует прибегать к литературно-критическому методу, а кажущиеся противоречия можно объяснить, избегая представления об исторической эволюции библейского права.

Итак, в результате сравнительного анализа Библии и древних правовых памятников М. Гринберг очень убедительно доказывает идейную, богословскую целостность Священного Писания в его законодательной части. Он ясно показывает, что идейное своеобразие библейского права основано на представлениях о высоком достоинстве человека, созданного по образу и подобию Божию, и на неизмеримом величии Самого Бога, Который при этом является не каким-то далеким, недостижимым Абсолютом, но самым близким к человеку. Однако есть во всех этих рассуждениях некая незавершенность. Мы слышим о ценности и своеобразии внутреннего содержания библейского закона. Но как его внутренние благородные идеи соотносятся с внешней формой, иногда очень суровой и грубой, хотя и более человеческой, чем в аналогичных древних правовых памятниках? И не следует ли провести между формой и содержанием библейского законодательства четкую, определенную границу и довести красивые и правильные рассуждения М. Гринберга до логического конца? А между тем, граница между формой и идейным содержанием библейских законов была проведена уже несколько тысячелетий тому назад. Тогда же, когда был ясно открыт и подлинный смысл Моисеева законодательства.

Повторимся еще раз. Библейское законодательство, обладая подлинной цельностью, единством имеет уникальное идейное содержание. Это содержание определяется целью божественного законодательства. Цель эта—создание «царства священников и народа святого» (Исх. 19, 6), а не просто общественная, экономическая или

политическая выгода, которая, кстати, также не игнорируется в Ветхом Завете (см. Втор. 28, 1-14). По мнению Й. Вейнберга, дарование законов—это одно из важнейших и наиболее благостных деяний Бога, равное сотворению мира и человека, обещаниям, данным патриархам, и избавлению от египетского рабства³⁶. Библейский закон, как отмечает G. J. Wenham, является «божественным средством создания святого народа. Послушание закону обновляет Божественный образ в человеке, давая ему возможность выполнить заповедь «Будьте святы, ибо Я свят» и радоваться присутствию Бога среди Своего народа»³⁷. Закон был призван возвести человека к Богу, чтобы человек смог в полноте реализовать свой образ Божий, уподобиться своему Творцу. Понять это помогает, как мы видели, и клинописные памятники.

Со всем этим нельзя не согласиться. Но для христиан есть еще один ключ к пониманию ветхозаветного законодательства, к пониманию внутренней, вневременной его сути. Этим ключом является Новый Завет, учение Иисуса Христа. Обращаясь с законом как Законодатель (Мф. 5, 17-48), Спаситель напомнил об основах закона, каковыми являются заповеди о любви к Богу и ближним (Мф. 22, 35-40).

Действительно, ветхозаветный закон, отставив порядок и справедливость, призывает подражать Богу в Его любви ко всему творению. Это особенно заметно в повелениях касающихся отношения к врагам: «Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развьючь вместе с ним» (Исх. 23, 4-5). Призывая к любви, ветхий закон запрещает даже само чувство мести: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём... Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но любви ближнего твоего как самого себя. Я Господь (Бог ваш)» (Лев. 19, 17-18).

Так в Ветхом Завете смягчается закон возмездия, признаваемый в священном тексте и распространенный у соседних народов. В первобытном обществе, грубом и анархическом, по словам Э. Гальбиати и А. Пьяцца, только применением закона возмездия, принципа талиона, «можно было защитить права граждан и самый общественный порядок... Месть и правосудие становятся в таких обстоятельствах синонимами»³⁸. Но подобное правосудие, как было сказано, все-таки не становится мостью. И даже ненависть, с которой мы периодически сталкиваемся на страницах Библии, особенно в псалмах, является не «ненавистью вражды», а «ненавистью отвращения». «Ненависть вражды основана на личном возмущении и требует наказания врага за перенесенное страдание; ненависть отвращения питается любовью к справедливости и в наказании врага видит не более, чем средство восстановления правового порядка; средство тяжелое, которого хотелось бы избежать, если бы представилось лучшее», — пишут Э. Гальбиати и А. Пьяцца³⁹.

По словам святого апостола Павла, закон был детоводителем ко Христу (Гал. 3, 24), а с пришествием Христа он потерял прежнее значение, перестал быть руководителем. Значимой и актуальной осталась лишь основа закона — заповеди о любви.

А что же внешняя форма закона?

Закон был дан древнему еврейскому народу в форме, соответствовавшей тому времени, так что даже обряды Моисеевой религии внешне могли быть подобны и в чем-то были подобны обрядам язычников. Но это внешнее освящалось совершенно иными идеями.

Проф. Н. Н. Глубоковский, размышляя над словами апостола Павла из послания к Галатам (3, 19-20), обратил внимание на то, что ветхозаветный закон был дан через посредника, т.е. Моисея. Это значит, что божественное сияние преломилось в человеческой среде. Минской Духовной Академии

твенно по первоисточнику и авторитету, но антропоморфно по форме и содержанию конкретных норм»⁴⁰. Ведь Спаситель прямо сказал о важности Моисеева посредничества: «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими» (Мф. 19, 8). «Ветхозаветный закон как опосредованный человечески в своем историческом обнаружении, есть лишь аккомодативный институт божественной педагогики (Гал. 3, 24), — решительно утверждает Н. Н. Глубоковский, — и является временным средством верховного промысления по пути к совершенному увенчанию во Христе Иисусе... Законничество было преходящим мерцанием присносушного света и неизбежно угасает с восходом Солнца правды (Гал. 3, 25), подготовив зрение людей так, чтобы «все, открытым лицом взирая на славу Господню, преображались в тот же образ, от славы в славу, как от Господня Духа (1 Кор. 3, 18)»⁴¹.

Подлинный смысл ветхозаветного закона был явлен Иисусом Христом в слове и в действии. В Нем Сам Божественный Законодатель дал пример исполнения закона, вся суть которого сводится к исполнению заповеди о любви к Богу и ближним. В Иисусе Христе в полноте открылась эта божественная любовь. Христианское исполнение библейского закона поэтому и выражается в подражании Христу. Мы только недавно узнали о существовании древнего клинописного законодательства, повлиявшего на букву ветхозаветного закона. Изучение открытых памятников оказалось не способным их самих сделать актуальными, хотя помогло гораздо лучше понять актуальность библейских законов. А их актуальность не пропадает потому, что цель их — соединение человека с Богом, Самим источником бытия человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. № 3-4.

- ² Обзор законов Древней Месопотамии. См.: История древнего мира. Ранняя древность. Отв. ред. И. М. Дьяконов. М., 1989. С. 99-108 (раздел «Законы», составленный В. А. Якобсоном). Якобсон В. А. Законы Хаммурапи как источник по истории Древней Месопотамии. Автореф. докт. дис. Л., 1988. Клима Й. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967. Афанасьева К. В. Законы ур-намму. // Вестник древней истории. 1960. № 1. Липин Л. А. Древнейшие законы Месопотамии (законы Эшнунны) // Палестинский сборник. Вып. 1. М., 1951.
- ³ Конусы В и С Урукагины // Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2001. С. 291.
- ⁴ См.: Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965. С. 64-68.
- ⁵ Законы Ур-Намму // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 146.
- ⁶ Там же. С. 147.
- ⁷ История древнего мира. Ранняя древность. Отв. ред. И. М. Дьяконов. М., 1989. С. 101 (см. раздел «Законы», составленный В. А. Якобсоном).
- ⁸ О возможных интерпретациях изображения и литературе по данному вопросу см.: Гринберг М. Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. Сборник статей. Выпуск 1. М., 1997. С. 228 (прим.10).
- ⁹ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997. С. 126.
- ¹⁰ История древнего мира. Ранняя древность. С. 103-104
- ¹¹ Клима Й. Общество и культура Древнего Двуречья. Прага, 1967.
- ¹² Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990. С. 126
- ¹³ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Мн., 2002. С. 112.
- ¹⁴ Обычаи Нузи имеют ряд соответствий с Библией. См.: Райт Дж. Э. Библейская археология. СПб., 2003. С. 56-59. Василиадис Н. Библия и археология. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 58-63.
- ¹⁵ Василиадис Н. Библия и археология. С. 56.
- ¹⁶ Сарна Н. М. Завет (Бытие 15-17) // Библейские исследования. Сборник статей. Выпуск 1. М., 1997. С. 154.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Гордон С. Г. Забытые письмена. СПб., 2002. С. 241-242.
- ¹⁹ Райт Дж. Э. Библейская археология. С. 59.
- ²⁰ Там же. С. 160-161.
- ²¹ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. С. 142-143.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Тураев Б. А. История Древнего Востока. С. 112.
- ²⁴ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. С.151.
- ²⁵ О сводах законов в Пятикнижии см.: Вейнберг Й. Введение в Танах. М., 2002. С. 265-298.
- ²⁶ См.: Василиадис Н. Библейская археология. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 135.

- ²⁷ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 267.
- ²⁸ Wenham G. J. Закон // Новый библейский словарь. Ч. 2. Библейские реалии. СПб., 2001. С. 298.
- ²⁹ Гринберг М. Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. С. 226-227.
- ³⁰ См.: Там же. С. 205-232
- ³¹ Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. С. 153.
- ³² Там же. С. 153-154.
- ³³ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 262.
- ³⁴ Хеттские законы // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 271. Также см.: п. 2, 3, 4, 44.
- ³⁵ Гринберг М. Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. С. 220-227.
- ³⁶ Там же. С. 226.
- ³⁷ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 261.
- ³⁸ Wenham G. J. Закон // Новый библейский словарь. Ч. 2. Библейские реалии. С. 299-300.
- ³⁹ Гальбиати Э. и Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. М., 1995. С. 257.
- ⁴⁰ Там же. С. 258.
- ⁴¹ Н. Н. Глубоковский. Ветхозаветный закон по его происхождению, предназначению и достоинству—согласно Гал. 3, 19-20 // Путь. Париж, 1928. № 10. С. 51.